

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

*Ложь на тонких
ножках*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Ложь на тонких ножках / Марина Серова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-246865-0

Частный детектив Татьяна Иванова берется за исчезновение сына состоятельного клиента, но быстро понимает: это дело куда запутаннее обычного похищения. След приводит ее в заснеженный Тарасов, где за тишиной аккуратного дома и соседской вежливостью скрываются давние обиды, семейные секреты, шантаж и опасная игра на деньги. Чем глубже Татьяна погружается в расследование, тем яснее становится, что в этой истории никто не говорит всей правды, а само похищение может оказаться лишь частью тщательно разыгранной схемы. Чтобы добраться до истины, ей придется распутать клубок лжи, ревности и чужих страхов, прежде чем он затянется окончательно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М. С., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-246865-0

НЕЖДАНЫЙ ГОСТЬ С ДУШКОМ ЛЖИ

Третий час я пялилась в экран, пытаюсь заставить себя составить отчет по делу о краже коллекции фарфоровых кошек. Дело было выиграно, клиентка счастлива, а у меня началась клиническая смерть от скукоживания мозга. Кофе в чашке остыл и покрылся мерзкой маслянистой пленкой. Я уже подумывала отправить его в утиль вместе со своим энтузиазмом, как в прихожей раздался оглушительный трезвон.

Вздрогнула так, что едва не опрокинула злополучную чашку. Клиентов сегодня не ждала. А те, кто звонит без предупреждения в девять вечера, под занавес ноябрьского ливня, обычно приносят одни проблемы. Хотела проигнорировать, но звонок повторился — настойчивый, нервный.

— К черту, — пробормотала я, потянувшись к кнопке домофона. — Кто там?

— Откройте! Иванова, это важно! — Мужской голос, сорванный и сдавленный, будто человек бежал или долго плакал.

— Имя и дело. Без этого — до свидания.

— Фомин! Николай Фомин. У меня сына...
Моего сына... — Голос оборвался, послышались всхлипы. — Прошу вас!

«Отлично, — подумала я. — Истеричный папаша. То, что нужно под дождливый вечер».

Щелчок замка прозвучал как приговор моему спокойному ужину. Через минуту в мою квартиру ввалилась промокшая до нитки гора в дорогом, но безнадежно помятом пальто. Это был мужчина лет пятидесяти, с лицом, на котором паника и усталость вывели глубокие борозды. От него исходил запах дорогого парфюма, приправленный потом и страхом. Интересно, откуда он знает мой адрес? Обычно потенциальные клиенты находят меня по телефону, а встречаемся мы с ними на нейтральной территории. В крайнем случае сама могу к человеку на работу или домой подъехать. Но чтобы так...

— Вы Татьяна Иванова? Частный детектив? — выпалил он, не здороваясь.

Глаза бегали по комнате, цепляясь за мебель, будто искали хоть какую-то опору.

— Он самый. Вернее, она, — кивнула я, отодвигая отчет с кошками. — Присаживайтесь, господин Фомин. Снимайте пальто, а то тут и без вас сыро. И будьте добры, расскажите, как вы узнали мой адрес.

Он машинально стянул пальто, бросил его на стул и сам рухнул напротив. Руки его тряслись мелкой дрожью.

— Адрес... Мне подсказал друг, он к вам обращался уже. — И он назвал фамилию. И впрямь с полгода назад я выручила одного бизнесмена. — Сначала я по телефону пытался звонить, только он отключен был. — Я машинально ткнула в экран мобильного, но — увы! — гаджет когда-то успел разрядиться. — Позвонил ему, он мне адрес и подсказал. Ну, я и подумал, что если вы не на задании, то дома должны быть.

Я кивнула, удовлетворенная таким объяснением, и предложила переходить к делу.

— У меня сын пропал. Алексей. И его друг тоже. Четвертый день уже как. Полиция... — Он махнул рукой, и в этом жесте была вся беспомощность. — Полиция в тупике. А сегодня пришло это.

Он лихорадочно полез во внутренний карман пиджака, вытащил смартфон. Пальцы его не слушались, он едва не уронил дорогую игрушку. Включил и сунул мне в руки, на экране было открыто видео в мессенджере.

— Смотрите, — прошептал он, а в его глазах застыл ужас.

Я нажала кнопку «play». Камера дергалась, снимая какое-то темное помещение — подвал или склад. В центре кадра находился молодой парень, привязанный к ржавой трубе. Лицо в ссадинах, под глазом — темно-багровый синяк, но смотрел он при этом не испуганно, а зло, вызывающе.

— Пап... — Голос парня был хриплым. — Слушай их... Они требуют пять миллионов наличными. И чтобы никакой полиции... Иначе...

Внезапно в кадре мелькнула рука с каким-то темным предметом, раздался глухой удар. Парень ахнул, его голова дернулась, камера приблизилась к его лицу. На секунду он посмотрел прямо в объектив. И в этом взгляде я увидела не страх, а холодную, почти расчетливую ярость, как у зверя в капкане. Затем голос за кадром, явно искаженный программой, рявкнул: «Жди инструкций. Не пытайся быть героем», — и видео оборвалось.

Я медленно опустила телефон на стол. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь стуком дождя по стеклу.

— Это ваш сын? Алексей?

— Да. — Фомин кивнул, сжав кулаки так, что костяшки побелели. — Ему девятнадцать.

— Почему пришли ко мне?

— Полиция ничего не делает! — Он выкрикнул и сразу же сник, понизив голос: — Извините. Они ждут, ведут «оперативную разработку». А эти твари... они его бьют! Каждый час для меня — пытка. Я слышал о вас, знаю, что вы раскрутили ту историю с нефтяником. Я заплачу любые деньги.

Он говорил страстно, но где-то в глубине его глаз, за завесой отчаяния, металась тень. Что-то было не так. Слишком громко, слишком драматично.

— Любые деньги — это звучит заманчиво, — сказала я, откидываясь на спинку кресла и изучая его.

Дорогой костюм, но рубашка мягкая. Часы швейцарские, но на ремешке глубокая царапина. Человек не спал, не ел, но нашел время и силы добраться до меня. Не просто отчаявшийся отец. Отец, который чего-то боится даже больше, чем смерти сына.

— Но расскажите все сначала. Кто ваш сын? Где жил? С кем дружил? И почему похитители уверены, что вы найдете пять миллионов наличными?

Фомин вздохнул, провел рукой по лицу.

— Алексей жил на окраине Балаковска, — назвал он город-спутник нашего Тарасова, расположенный на другом берегу реки. — Жил последний год в доме моей покойной матери. Я узнал о нем недавно. Мы с его матерью расстались очень давно, в общем, он вырос в детдоме. Я пытался весь последний год наверстать упущенное, помогал.

«Ага, — зашевелилась во мне детективная жилка, — внезапно объявившийся незаконнорожденный сын. Классический источник семейных войн».

— Жена знает? — спросила я прямо.

На его лице промелькнула краткая, но красноречивая судорога.

— Светлана, конечно, не в восторге, но она здесь ни при чем! И она в Петербурге.

— Разумеется, — кивнула я, делая большими буквами первую пометку в блокноте: «ЖЕНА». — Вернемся к городу Балаковску. У кого есть ключи от дома?

— У соседки, бабы Вари, и еще у одной женщины, Ульяны. Они присматривали за домом.

— И что они видели?

— Ничего! Никто ничего не видел! — Он снова вспыхнул, и это было уже похоже на истерику.

Я подняла руку в успокаивающем жесте.

— Спокойно. Так никто ничего не видел? Совсем? В частном секторе, где все друг у друга на виду?

— Я не знаю, полиция их опрашивала.

— Полиция полицией, а я хотела бы услышать их сама, — сказала я, закрывая блокнот.

Решение созрело мгновенно, как всегда в таких случаях. Сидеть тут было бесполезно. Мельком глянув на циферблат часов, я поняла, что ехать и впрямь стоит сейчас, а не ждать утра. До нужной точки добраться — пара часов. Утром же, по пробкам, моя поездка может растянуться до бесконечности. Там — в гостиницу, а с утра пораньше, пока люди еще на работу не отправились, порасспрашивать местных.

— Мне нужно в Балаковск сегодня же, осмотреть дом, пообщаться с этими присматривающими.

■ — Я еду с вами! — Он резко поднялся.

— Вы будете только мешать, — отрезала я. — Вы — ходячая мишень, если там есть чужие глаза, ваше появление их спугнет.

— Это мой сын! — И хотя голос его сорвался, в нем прозвучала стальная нота, которую я слышала и у парня на видео: упрямство и гнев.

— Именно поэтому, — холодно парировала я, вставая, — ваша задача — быть здесь на связи, ждать инструкций от этих типов и не совать нос в мою работу. Моя задача — найти зацепку. Договорились?

Мы снова измерили друг друга взглядами. В его — буря, в моих, надеюсь, — ледяная решимость. Он первый отвел глаза и сдавленно кивнул.

— Договорились.

— Хорошо. Дайте мне все контакты: эти соседи, друзья Алексея, его коллеги. Фото дома.

Наконец все контакты были получены, договор подписан, и на мою карточку упал аванс.

— Но вы же не знаете местность и как выглядят все эти люди, — разумно подметил Фомин.

А он прав. Простой поиск домов и выяснений достоверности лиц может отнять массу времени.

— Ладно, едем вместе, но при жестком условии: слушаете меня, как йоги своего гуру. Ни шагу без моего ведома, иначе я сразу отказываюсь от этого дела и аванс не верну. И еще

важный момент: возьмите с собой новый телефон, купите новую симку и пока никуда и никому с нее не звоните.

Через пятнадцать минут после того, как промокший Николай Фомин покинул мой кабинет, я стояла посреди своей квартиры с ощущением, что мои планы рушатся как карточный домик. На столе лежала упакованная сумка: ноутбук, блокноты, диктофон, зарядки, фонарик и прочий детективный скарб. Рядом — термос, наполненный до краев крепким кофе, мое главное топливо на предстоящие два часа ночной дороги до Балаковска. В голове уже строились планы: по приезду найти гостиницу, с рассветом — к дому, к соседкам, в полицию.

И тут мой взгляд упал на диван. На бархатной подушке цвета бургунди, свернувшись в идеальный рыжий калач, спал кот Мурчик. Не просто кот, а целое живое мурлыкающее и вечно голодное осложнение.

Мысль ударила как обухом по голове. Я собиралась уехать на неопределенный срок. На день? На два? На неделю? Дела о похищениях, особенно такие мутные, с папашами, от которых пахнет ложью сильнее, чем дорогим парфюмом, и сыночками, которые, вместо того чтобы паниковать и истерить, пышут нелогичной в подобной ситуации яростью, не решались по щелчку пальцев. А кто будет кормить этого пушистого иждивенца? Кто будет вычищать его лоток?

«Да что ж такое, — мысленно отругала я себя. — Совсем вылетело из головы».

Мурчик появился в моей жизни полгода назад, как временное явление. Подруга Лена, яркая и непредсказуемая, собралась «на две недельки перезагрузиться в Таиланде» и, забрав на пять минут перед вылетом, всучила мне переноску с недовольным рычащим комком внутри: «Тань, ты же просто ангел! Он некапризный, ест все, лоток знает. Я скоро вернусь!»

«Скоро» растянулось на месяц, затем пришло восторженное голосовое: «Тань, тут такая энергия, я не могу уехать! И познакомилась с интересным человеком...» Потом — фотография с помолвкой на фоне заката. Потом — счастливое: «Мы решили остаться! Оформляю документы! Мурчик, мое солнышко, как он там?»

Так Мурчик из временного постояльца превратился в постоянного, тихо оккупировав диван, сердце и график кормлений. Я, всегда считавшая себя одиночкой, к своему удивлению, обнаружила, что его молчаливое самодостаточное присутствие меня не раздражает. Он был тихим свидетелем моих ночных бдений над делами, грел колени холодными вечерами и смотрел на мир с невозмутимостью философа, видевшего все, но не считавшего нужным комментировать.

Но сейчас эта философская невозмутимость стала проблемой. Оставить коту миски с едой и водой на несколько дней? Не вариант. Автоматическая кормушка? Ее нужно было купить и настроить еще вчера. Приют или гостиница для животных? Время позднее, все уже закры-

то, да и мысль тащить кота в чужое место, когда самому нужно быть собранным и сконцентрированным, вызывала отторжение.

Оставался один, проверенный в чрезвычайных обстоятельствах вариант — Галина Петровна.

Галина Петровна была идеальной соседкой, живущей снизу: предсказуемой и питающей к Мурчику нежную, почти бабушкину любовь. Иногда, встретив меня в лифте, она спрашивала: «А как наш рыжик? Не обижаете?» — И в ее глазах светилась надежда, что вот-вот ей предложат его потискать. Я несколько раз пользовалась ее помощью, оставляя кота на день-два. Но сейчас речь шла не об одном дне. И будить пожилую женщину поздним вечером было верхом бесцеремонности, но вариантов немного.

Я взглянула на часы. Фомин, наверное, уже метался по своему шикарному особняку, ждал звонка похитителей, а я решала кошачий вопрос. Ирония ситуации была горьковатой. Спасает чьего-то сына, а своего (пусть и временного, пушистого) «ребенка» пристраиваешь к соседке.

«Нет выбора, — решила я. — Буду извиняться».

Подойдя к дивану, я осторожно погладила Мурчика между ушей. Кот потянулся, выпустил коготки в бархат, лениво открыл один зеленый глаз.

— Прости, дружок, — прошептала я. — Для тебя план «Б».

Я насыпала ему в миску побольше корма, зная, что это ненадолго успокоит его ко-

шачье негодование по поводу смены обстановки, и вышла в подъезд. Лестничная клетка тонула в тишине, лишь гул лифта изредка нарушал ночной покой. Спустившись на этаж ниже, я остановилась перед дверью с табличкой «Семенова Г. П.». Из-под двери струился тусклый свет ночника. Значит, Галина Петровна уже проснулась или плохо спала, это немного смягчало чувство вины.

Я нажала кнопку звонка — коротко, один раз. Внутри слышались осторожные шаги, шуршание цепочки.

— Кто там? — донесся встревоженный, но знакомый голос.

— Галина Петровна, это Таня Иванова, соседка сверху. Простите, что ночью, без предупреждающего звонка. У меня срочное дело.

Цепочка звякнула, дверь приоткрылась, в щель показались лицо в морщинках и бигуди, но глаза были ясные и внимательные.

— Танечка? Что случилось? Входи, входи, не стой на холоде.

Через минуту я, чувствуя себя неловко, сидела на краю узкой кухонной табуретки в уютной, пропахшей чаем и геранью квартирке. Галина Петровна, накинув халат, уже ставила на стол чайник.

— Не надо чая, Галина Петровна, я буквально на минуту. У меня чрезвычайная ситуация. Мне нужно срочно уехать в командировку